

Посвящается памяти Чехова.

РАМПА

№ 26.

и ЖИЗНЬ

VI г. изд.

А. П. Чеховъ.

Къ десятилѣтію со дня кончины.
(1904 — 2 іюля — 1914 г.)

Щѣна отд. № 15 коп.

Воскресенье, 29-го іюня,
1914 года.

Чеховъ и Толстой.

Въ Гаспрѣ.

Безъ вѣхъ изъ Севастополя въ Ялту въ экипажѣ, то по дорогѣ между Алушкой и Мисхоромъ привлекаетъ внимание полузакрытый деревянныя своеобразный домъ съ башнями, наломанной средневѣковой замкомъ. Это—Гаспрѣ графини Паниной, известной общественной дѣятельницы по устройству разумныхъ развлеченій для рабочихъ.

Осенью 1901 г. графиня Панина, узнавъ, что врачи посылаютъ Л. Н. Толстого на югъ, предоставила своему великолѣпную виллу въ Гаспрѣ въ распоряженіе большого писателя. Въ Гаспрѣ прекрасный тѣнистый парк, образцовые дѣтняки и обширныя, художественно устроенныя террасы съ дѣльными видами на море. Здѣсь, въ Гаспрѣ, и просидѣлъ Толстой почти около года, окруженный полюбившимъ вниманіемъ любящихъ сердецъ.

Чеховъ въ это время жилъ въ Ялтѣ на своей любимой „обшлой дачѣ“. По прїѣздѣ Толстыхъ въ Крымъ, Гаспрѣ побѣдилъ и Чеховъ. Это было 12 сентября 1901 г. О прїѣздѣ Чехова знали въ Гаспрѣ и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, ждали его, какъ милого, желаннаго гостя...

И не видѣвъ Толстого вѣсколько мѣсяцевъ и намель въ немъ большую перемену. Онъ исхудалъ, ослабѣлъ и казался нѣстарѣвшимъ на вѣсколю лѣтъ. Но когда объявилъ, что съ минуты на минуту долженъ прїѣхать Чеховъ, Левъ Николаевичъ оживился и помолодѣлъ. Ему такъ хотѣлось видѣть милого Чехова.

Къ общему удовольствію появился, наконецъ, и Чеховъ, тщательно одѣтый, въ модныхъ брюкахъ съ безукорыненными продольными складками, непринужденно оживленный, общительный, словоохотливый. Такимъ я знавала Чехова только во дни его молодости.

Въ Гаспрѣ всѣ отнеслись къ Чехову съ особенной теплотою. Говорили о его недавней женитьбѣ, хвалили его жену, судили ямъ счастливую жизнь.

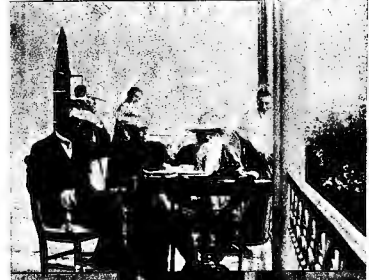
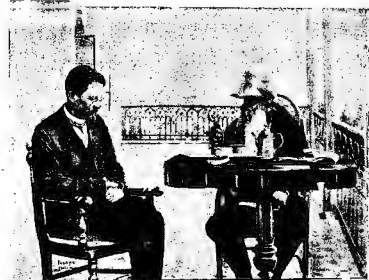
Чеховъ мягко улыбался, и давалъ малыя рѣзки. Овъ былъ пѣвнтеленъ.

Графиня предлагаетъ перейти изъ столовой на верхнюю террасу, гдѣ такъ хорошо и столько простора. Обнаруживается, однако, что для Льва Николаевича переходъ на террасу осуществимъ лишь при помощи другихъ. Овъ очень ослабѣлъ. Двое изъ присутствовавшихъ (если не ошибаюсь, князь Н. Л. Оболенскій и П. А. Булажне) сгибаютъ руки и бережно переносятъ Толстого на верхнюю террасу, гдѣ дѣятельно неуспеваю хорошо. И когда это-то сказали, что Гаспрѣ не считается въ Крыму лучшимъ мѣстомъ, то Левъ Николаевичъ даже обидѣлся за Гаспрѣ и заявилъ, что грѣшно и мѣтать о лучшемъ мѣстѣ.

Въ числѣ присутствовавшихъ на гаспринской террасѣ во время свиданія Чехова съ Толстымъ находились прїѣзжавшій изъ Москвы врачъ У. Возникла бесѣда о состояніи здоровья Толстого.

Левъ Николаевичъ, пропуская сквозь усы юмористическія нотки, сказалъ, что овъ жилъ нѣкоторое время въ мартовѣ, а теперь опять пошли знакомыя числа. Но какъ ни прїятно выздоровленіе, а все же иногда грустно, что минуло то особенное чувство опущенія берега, которое было во время болячки. Похоже на то, какъ если бы азынжакъ, застрявшій въ трясинѣ, черезъ которую все равно надо перебраться въ скоромъ времени на другой берегъ, вытацился вдругъ, но не на ту, а опять на эту сторону.

Чеховъ мягко улыбается, одобрявая однако и эту сторону, и переждѣ Толстого въ Крымъ. Толстой отвѣчаетъ Чехову ласковой улыбкой и говоритъ, что годъ назадъ былъ моложе Чехова, но теперь годится ему въ дѣды. Чеховъ выражаетъ надежду, что въ Крымъ опять все обратится и беретъ руку Льва Николаевича, чтобы изслѣдовать его пульсъ. Но пульсъ оказывается не въ порядкѣ.— Это ничего еще не значитъ—говоритъ Чеховъ по поводу измѣненія пульса. Ему, видимо, такъ хочется, сказать

Наверху и внизу: А. П. Чеховъ и Л. Н. Толстой; въ серединѣ: Чеховъ, гр. С. А. Толстая, Л. Н. Толстой, гр. А. А. Тостая, М. Л. Толстая.

Снимки П. А. Серяленко.

прїятное. Толстой чувствуетъ это и въ свою очередь всѣчески старается украсить пребываніе Чехова въ Гаспрѣ. Только разъ вышла какъ бы обѣщана.

Кто-то спросилъ у Чехова, правда ли, что овъ работаетъ надъ новой пьесой. Чеховъ далъ удивившій отвѣтъ, Толстой слегка нахмурился по адресу вопрошавшаго и заявилъ серьезнымъ тономъ, что ждѣтъ отъ Антона Павловича не пьесы, а того, въ чемъ овъ наиболѣе силѣнъ. И Толстой процитировалъ на память вѣсколю строчекъ изъ чеховскаго расказа „Въ оврагѣ“. Вѣзда переходить на современнаго писателя...

Предвѣзанія Чехова, что Крымъ поблѣтъ на пользу Толстому, оправдывались: Толстой уѣхалъ изъ Крыма значительно окрѣпшимъ, не взирая на то, что овъ прїшлось вынести зимю восполненіе легкѣхъ. И съ такимъ сложными.

„Онъ заболѣлъ вдругъ, вечеромъ“, — писалъ о Толстомъ Чеховъ отъ 2 февраля 1902 г.— Началась грудная жаба, перебой сердечный, тоска. Въ этотъ вечеръ доктора

А. П. Чеховъ и его любимыя собачки.

Снимокъ А. Вишневаго.

которые его лѣчатъ, сидѣли у меня. Ихъ вызвали по телефону. Утромъ мнѣ дали знать, что Толстому плохо, что едва ли онъ выживетъ. Началось воспаленіе легкаго, то самое воспаленіе, которое бываетъ у стариковъ обыкновенно передъ смертью. Мучительно выжидательное настроеніе продолжалось два дня. Затѣмъ извѣстіе по телефону: процессъ легкихъ не идетъ дальше, появилась надежда. Теперь Т. лежатъ на спинѣ, чрезвычайно слабъ, но пульсъ у него хорошій. Надежда не ослабла. Лѣчатъ его превосходно, при немъ московскій врачъ Шуровскій и ялтинскій Альтшуллеръ. То, что Т. ослался живъ, что есть надежда, я, хотя бы наполовину, отдаю на долю этихъ двухъ докторовъ“.

Все время, пока Толстой находился въ Крыму, между Гаспрей и Ауткой въ Ялтѣ (гдѣ дача Чехова), постоянно дѣйствовалъ свой особенный беспроволочный телеграфъ. Пріятеля Чехова, бывавшіе ежедневно, а иногда и по нѣсколько разъ на день въ Гаспрѣ, освѣдомляли Анто́на Павловича обо всемъ касающемся Толстого.

Иногда на дачѣ у Чехова даже составлялся особый интимный консилиумъ изъ друзей-врачей Толстого.

И Чеховъ принималъ близко къ сердцу все, что могло въ какой-нибудь степени способствовать улучшенію здоровья безцѣннаго больного.

П. Сергѣенко.